

ВЕСЬ ВЕЧЕР НА МАНЕЖЕ...

КЛОУНЫ АЛЕКСАНДР ВОРОНЕЦКИЙ И ФЕДОР ГУЛЕВИЧ

Белорусские клоуны. Пожалуй, не совсем привычно звучит для нас это словосочетание. Почему? Может быть, потому, что мы не очень хорошо с ними знакомы? Но ведь Федора Гулевича и Александра Вороневского хорошо знают и любят на Украине и в Сибири, в Прибалтике и на Дальнем Востоке, с их веселым искусством подружились зрители Кавказа и Монголии, разных городов России.

ГУЛЕВИЧ: — Боюсь, что нас может постигнуть судьба Робертино Лоретти. Он в лучшие свои годы так много гастролировал, что позднее, когда вернулся на родину, итальянская публика его почти не знала.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Федя, конечно, шутит, но, честное слово, знали бы вы, как мы стремились сюда, в родной цирк. Ведь Минск — это не только родина, это и первые наши шаги в искусстве.

— Кстати, о путях на манеж. Насколько мне известно, он не один. Можно, что называется, родиться на манеже, примеров предостаточно: Дуровы, Запашные, Волжанские... Можно закончить цирковое училище, как Шамир или Суркова, прийти в цирк из спорта, как Григорий Новак... Вы избрали в цирк другую дорогу.

ГУЛЕВИЧ: — Да, и как выяснилось, не самую легкую.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Во всяком случае, мы до сих пор не встречали и не слышали о профессиональных коверных, начинающих в самостоятельности.

ГУЛЕВИЧ: — Именно поэтому у нас практически не было ни постоянного режиссера, ни авторов реприз, ни просто «крестных» цирковых родителей.

— Ну а началось все, конечно, с того самого знаменательного дня, когда маленькие мальчики Федя и Саша впервые увидели цирк?

ГУЛЕВИЧ: — Не угадал. Цирка у нас в Молодечно никогда не было, и мы с Саней о его существовании знали весьма смутно.

ВОРОНЕЦКИЙ: — А началось все с того, что при Молодечненском ДК железнодорожников открылся цирковой кружок.

ГУЛЕВИЧ: — Да, записывались туда толпами. Помню, на первую репетицию пришло человек двести.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Федя — человек стойкий, я бы, наверное, чисто морально не выдержал такой бешеной конкуренции. Повезло, что пришел в кружок только через месяц: к этому времени в нем осталось человек сорок.

— До встречи в кружке вы не были знакомы?

ГУЛЕВИЧ: — По-моему, в Молодечно все друг друга знают. Ну а мы еще и в одной школе учились, только Саня в седьмом, а я в шестом классе.

— Именно в этом возрасте вы и «заболели» цирком?

ВОРОНЕЦКИЙ: — Заболели... Точное слово. Да, пожалуй, иначе и не назовешь наше тогдашнее состояние. Мы могли репетировать часами. Через полгода мы уже сносно жонглировали, балансировали на катушках и вольностоящей лестнице, выполняли кое-что из акробатики, ездили на мотоцикле, и только тогда руководитель кружка Семен Борисович Чановский объявил, что будет выбирать коверных. Что тут началось! Даже девочки хотели стать клоунами. После длительного отбора остались мы с Федей. С тех пор мы вместе.

— Значит, можно сказать, ваш стаж как коверных уже двенадцать лет?

ГУЛЕВИЧ: — Ну, до настоящей работы еще было, ой, как далеко.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Но начало было положено. И начало довольно успешное. Мы сделали репертуар, подготовили несколько реприз, стали выступать. Наверное, нет в Молодечненском районе такого клуба, где бы в то время ни побывал наш цирк: и в колхозах, и на заводах, просто на полевом стане в ятву.

— Те клоунические образы Федя и Саша, в которых вы сейчас выходите на манеж, закладывались, видимо, именно тогда, в тех ваших первых выступлениях. Ведь ваши герои — крестьянские парни-белорусы. Может быть, во многом шаржированные, но в целом-то довольно натуральные, что называется, подсмотренные в жизни.

ГУЛЕВИЧ: — Конечно, уже в то время у нас создавался какой-то клоунский багаж. Без сомнения, какие-то наиболее яркие типы, смешные ситуации откладывались в нашей памяти. Но тогда ничего этого мы не использовали. Об образах особенно не думали, поиском оригинальных реприз себя тоже особенно не утруждали. Работали на цирковой классике.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Да, а путь наш к сегодняшним клоунам маскам был таким же долгим и путаным, как и путь в цирк.

ГУЛЕВИЧ: — Ну, почему же, на манеж мы попали довольно скоро. После того, как в 67-м году наш народный цирк стал лауреатом республиканского и всесоюзного смотров художественной самодеятельности, а мы с Саней заняли первое место среди клоунов народных цирков республики, нас пригласили в студию Минского цирка.

— Можно представить вашу радость.

ГУЛЕВИЧ: — Нет, невозможно. Кажется, она была безграничной.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Еще бы. Ведь мы еще были совсем мальчишками. 19 августа 1968 года, когда мы впервые не зрителями, а стажерами переступили порог цирка, мне было восемнадцать лет, а Федя перешел в десятый класс.

ВОРОНЕЦКИЙ: — И мы сразу стали «известными» артистами...

ГУЛЕВИЧ: — Чистили купол...

ВОРОНЕЦКИЙ: — Таскали опилки для манежа...

ГУЛЕВИЧ: — Подносили репертуар артистам...

ВОРОНЕЦКИЙ: — Иногда в качестве поощрения за старание нам давали поддержать лонжу...

ГУЛЕВИЧ: — Конечно, вся эта «творческая» деятельность нас несколько смущала, особенно, когда на представление приезжали земляки или родственники и видели, как «их артисты» подметают ковер или ставят клетку.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Но, в конце концов, разве это было главным? Ведь мы работали в цирке, вдыхали его запах, вслушивались в его звуки и были счастливы, как бываю счастливы люди, достигшие своей мечты.

— Так ли уж достижения...

Ведь не о карьере униформиста мечтали вы, когда занимались в народном цирке?

ВОРОНЕЦКИЙ: — Это верно, но ведь мы числились стажерами, и это нас воодушевляло.

ГУЛЕВИЧ: — Кроме того, зимой в программе, посвященной 50-летию БССР и Компартии Белоруссии, мы впервые вышли на манеж. Правда, не коверными, а с номером акробатов-эксцентриков.

ВОРОНЕЦКИЙ: — А в общем-то не у дел мы были довольно долго. В Днепропетровске и Харькове восемь месяцев исполняли роль местностей, пели песенки между номерами, в Симферополе двадцать дней работали на новогодних елках, в Ижевске вновь репетиционный период.

ГУЛЕВИЧ: — Мы были юнцами, горячими, рвались в бой, были абсолютно уверены в своих силах и только ждали, когда же найдется смелый директор цирка, который не побоялся бы прогореть на нас.

ВОРОНЕЦКИЙ: — И вот, когда такой директор нашелся, растерялись мы. Ведь нам предложили работать не где-нибудь, а в Одессе, городе, где юмор любят, ценят и понимают.

ГУЛЕВИЧ: — А если учесть, что мы должны были менять программу «Шутки в сторону» с сильнейшей в то время группой клоунов, нам и в самом деле стало не до шутки.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Но на удивление всем и прежде всего нам самим пришел успех. Одеситы буквально «на ура» принимали каждую нашу репризу. Мы были счастливы и горды безмерно. Это сейчас, с высоты определенного опыта, мы понимаем, что аплодировали зрителя не столько нашей работе, сколько нам самим, нашей молодости,

энергии, динамичности...

— Итак, в 70-м году родилась новая пара коверных. Сейчас Гулевич и Воронетский занимают прочное место в десятке лучших клоунов страны, о них охотно пишут рецензенты, их приглашают на лучшие программы, они уже побывали за границей... Интересно, а как сами Гулевич и Воронетский относятся к своей нынешней работе?

ГУЛЕВИЧ: — Во всяком случае, не так восторженно, как тогда, в Одессе.

ВОРОНЕЦКИЙ: — Прежде всего, еще в 73-м году мы отказались от традиционно клоунаских костюмов и попытались создать на манеже образы персонажей белорусского фольклора: балагуров, весельчаков, мастеров на все руки. Для этого нам пришлось пересмотреть многие уже обкатанные репризы, изменить музыку, темп, короче, полностью перестроиться. Поверь, очень не просто отказываться от реприз, которую хорошо принимает зритель. И все-таки мы идем на это, если видим, что «языки» репризы не ложится на наших героев или даже вступает в конфликт с ними.

— Ваши жены — воздушные гимнастки, представительницы наиболее романтического в цирке жанра. Возвышенное и комическое — два полюса. Может быть, это каким-то образом сказывается на ваших взаимоотношениях?

ГУЛЕВИЧ: — Нет, пожалуй. Кроме того, они работают под куполом, а мы, как правило, на манеже. Так что не мешаем друг другу.

— На манеже ваши герои находчивые парни, способные выпутаться из любой, самой невероятной ситуации. Ну а в жизни?

ВОРОНЕЦКИЙ: — Так уж получается, что жизнь цирковых артистов порой складывается из таких ситуаций, что, кажется, не будь мы цирковыми, не выпутались бы никогда. В 75-м году работали мы с международной программой в Кривом Роге. После окончания гастролей директор цирка попросил нас поработать у него и со следующей программой. Согласились мы с Федей, тем более знали, что до начала наших гастролей в Воронеж еще много времени. Вдруг телеграмма-молния: «Срочно выезжайте, через два дня премьеры». Оказывается, премьеру в Воронеже перенесли на более ранние сроки. Запакновали мы быстро багаж, сели в поезд и в день премьеры объявляемся на перроне Воронежского вокзала. Встречает нас директор цирка, здоровается, интересуется, где наш репертуар. «В багажном вагоне», говорим. «Но ведь такого нет в этом поезде». Оказывается, в Харькове была перегрузка, весь репертуар там остался. Кошмар! До начала представления семь часов. Братья-артисты пришли на помощь. Монголы дали брюки и кепочки, поляки — тапочки, во дворе цирка нашли ржавый кусок водопроводной трубы, кое-как привели ее в боеспособный вид, стала служить репертуаром. Чего. Целую неделю отработали, пока не пришел наш злополучный багаж.

— Скажите, ребята, вам приходилось, наверное, встречать на своих представлениях эдаких серьезных дядей, которые, на манер «строгого товарища» Ильфа и Петрова утверждают, что «смеяться грешно» и вообще «что это за смешки в реконструктивный период» и тем более в цирке?

ВОРОНЕЦКИЙ: — Мы с Федей надеемся, что заставим и их улыбаться в цирке.

Беседу вел А. РОСИН.

Шарж К. КУКСО.